

Тирания лицемеров уже не всемогуща

Но ценностями в ФРГ всё ещё признаются установки сексуальной революции 1960-х

Представляем беседу с оппозиционным немецким политиком, депутатом бундестага от набирающей силы АдГ Рене Шпрингером, который делится своими мыслями о политической обстановке в стране и Евросоюзе, о том, куда движется это образование, о смене поколений и перспективах развития.

— Неужели радикальная конфронтация с Россией является для Фридриха Мерца и Урсулы фон дер Ляйен единственным способом удержания власти в ФРГ и ЕС на фоне их многочисленных политических провалов?

— Всё же, скажу вам, либерально-бюрократические элиты в Брюсселе и Берлине осознают, что формирующийся многоцентричный мир требует иного типа поведения, чем тот, к которому они привыкли. Их долго явно устраивал гедонистический и космополитический образ жизни, они наслаждались им. Но продолжать вести его сейчас, как и быть вечным последователем установок Pax Americana, уже невозможно!

Чтобы вновь стать суверенным геополитическим игроком, в Европе реально требуется новый общественный договор и новая система безопасности. Но условий для их появления в ЕС сейчас нет: почти везде застой в экономике, низкая рождаемость, идеологический раскол в обществе. А евробюрократы подавляют

МИХАИЛ ВЯЛО / ИТАР-ТАСС

растущее народное недовольство полицейскими методами и очень боятся его, что толкает их к иррациональному поведению. Что делать? Раз ситуация дома ухудшается в буквальном смысле ежедневно, требуется испытанный метод: лепить образ внешнего врага. А это для России. Что в реальности совсем не так.

— Часто слышишь, что Урсула фон дер Ляйен превращает или уже превратила Еврокомиссию

в орган военного, полицейского и шпионского контроля за суверенными странами ЕС.

— При ней Еврокомиссия получает всё больше власти в свои руки, отходит от изначальной, весьма скромной, роли технического органа межправительственной координации. ЕК наращивает влияние в сферах оборонной и информационной политики. А в деле регулирования работы СМИ, разведки и в «борьбе против

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Руководитель Бранденбургского регионального отделения партии «Альтернатива для Германии» (АдГ), депутат бундестага Рене Шпрингер полтора десятка лет служил в армии, имел награды и несколько командировок в Афганистан в составе контингента НАТО. Вернувшись к гражданской жизни в 2009-м, Шпрингер был инженером в гуманитарной миссии ФРГ в Мозамбике и состоял в умеренно левой СДПГ — после окончания холодной войны одной из двух наряду с ХДС крупнейших либеральных партий-близнецов. Однако душераздирающие сцены, когда на глазах у берлинской полиции вываливающиеся из ночных клубов пьяные студенты, не таясь, покупают наркотики у сирийских, пакистанских и курдских мигрантов, которых фрау Меркель пустила на родину Шиллера и Гёте, заставили Шпрингера изменить политические воззрения. Он двинулся вправо. И теперь Рене уже в руководстве крупной парламентской фракции, за которую проголосовало на последних выборах более 30% граждан ФРГ. Одновременно с этим Шпрингер стал... «фашистом» и «русским шпионом». Именно так его и 150 других депутатов бундестага от АдГ часто именует правительство Мерца. Но как это взаимосвязано? Какой ты «фашист», если последовательно выступаешь против роста военных расходов ФРГ и её участия в военных альянсах и тем более в боевых столкновениях? И если Шпрингер, в прошлом офицер НАТО, взаправду «русский шпион», почему ещё не в тюрьме? Наконец, в чём конкретно проявляется его «фашизм», кроме того, что он всего лишь требует исполнения утверждённых судебных постановлений о депортации нелегальных мигрантов? На эти и многие другие вопросы нынешнее Правительство ФРГ, при котором стахановскими темпами нарастаются военные расходы, говорит о неизбежности конфликта с Россией и т.п., упорно не желает отвечать. Тогда кто же больший «фашист»?

русской дезинформации» фон дер Ляйен создала мощные структуры цензуры и надзора. Тут и не пахнет какой-либо демократической легитимностью.

Уже никого не удивляет, что при ней национальные парламенты отстранены от принятия решений, а якобы неотчуждаемые права государства передаются «наверх» — в Брюссель. При этом, несмотря на всю милитаристскую риторику фон дер Ляйен, реаль-

ный военный потенциал ЕС остаётся лимитированным. Но самое поразительное: в рамках Еврокомиссии она формирует централизованный силовой аппарат, что, по сути, ведёт к отмене суверенитета наших стран. Возвращается авторитарный порядок.

— Вот вы произносите слова с корнем «демократия». Можно ли, на ваш взгляд, называть нынешнюю ФРГ демократической страной?

МИР И МЫ

Германия без «Северных потоков»

Как выживает локомотив Европы

Отключение от газа из РФ стало сильнейшим стрессом для экономики ФРГ. Третий год нет экономического роста, страну покидают гранды индустрии. Элиты же не видят иного способа перезапустить экономику, как влить колоссальные займы в производство вооружений, где нормальные рыночные механизмы почти не играют роли.

Что унёс дешёвый газ

С ним исчезла предсказуемость в планировании. Контракты с российскими поставщиками обеспечивали не только низкие цены на энергоносители, но и стабильность условий производства. Это гарантировало ФРГ устойчивый рост её энергоёмкой экономики, высокие налоговые поступления, политический вес в ЕС.

На пике кризиса (конец 2022-го — начало 2023 года) биржевые цены на газ превысили докризисные в 13 раз. Возникла проблема доступности топлива, а поиск резервов часто приводил через посредников к тому же российскому газу.

К весне 2024-го цены стабилизировались на уровне, близком к докризисному. Однако модель саморегулирующейся рыночной экономики изменилась: субсидии, компенсации и «энергетические щиты» стали инструментами ручного регулирования. Энергоёмкие отрасли сократили инвестиции, часть предприятий перенесли за рубеж или закрыли. Малые и средние предприятия повышали цены на продукцию, но продажи падали. В 2023-м Германия имела худшие экономические показатели среди развитых стран. Handelsblatt назвал

ситуацию «величайшим кризисом экономики в послевоенной истории ФРГ». Экономические проблемы переросли в угрозу структурной стабильности.

Как они выживали

В Германии сильно развит сектор малых и средних предприятий (Mittelstand). До кризиса он давал свыше половины добавленной стоимости, в нём числилось большинство компаний-экспортёров. Однако именно Mittelstand оказался наиболее уязвим. Ограниченные финансы затрудняют для него хеджирование цен на энергию, Mittelstand не может переезжать за рубеж.

Но и коллапс этого сектора не случился. Уже к весне 2023 года большинство малых и средних предприятий уменьшило энергопотребление, снижая

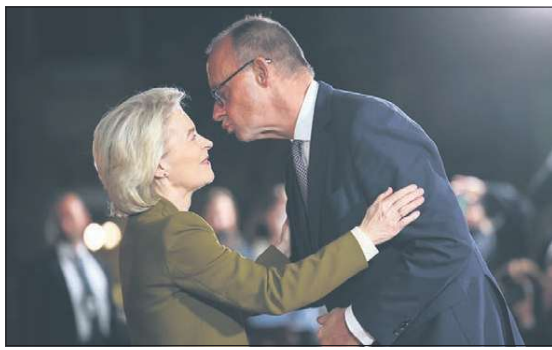

Да, немецкие авто — чудо техники. Но лучшие заводы уезжают из страны

— В Германии канцлера Мерца мы сталкиваемся с новым типом репрессивного государства в форме леволиберальной олигархии, маскирующей себя под демократию. Степень идеологической однородности традиционных парламентских партий, правительственных бюрократов, крупных СМИ, спецслужб, корпораций и банков просто поразительна. Особенно если учитывать, что все эти институты по инерции считаются независимыми и подлежащими демократическому контролю.

Лояльность внутри элитарной чиновничьей касты проявляется через неукоснительную приверженность её членов лозунгам либерального глобализма. А вот воля населения ФРГ системно игнорируется или отвергается элитой как «реакционная» и «расистская». Поскольку эти оскорбительные ярлыки почти утратили эмоциональную остроту в сознании рядовых немцев, проявления инакомыслия преподносят в околосударственных СМИ как «русскую подрывную деятельность». Это позволяет правительству применять репрессивные методы подавления парламентских оппонентов. Это же породило непримиримо агрессивную позицию Мерца и фон дер Ляйен в отношении России, а также оппозиционных, консервативно-патриотических сил внутри ЕС. А какой демократизм при таком-то подходе?

— Нельзя не заметить, что по многим ключевым вопросам АдГ стоит почти на тех же позициях, которые ранее отстаивали во Франции Шарль де Голль, а в молодой ФРГ — её первый канцлер Конрад Аденауэр, отцы современной Европы, как их называют. В их же честь в ЕС названы десятки улиц, школ, библиотек, аэропортов. Почему власти ФРГ обвиняют вашу партию в радикализме?

Из одного гнезда птицы...

— Нынешняя либеральная евродемократия отходит от традиционных ценностей и движется к некоему космополитическому утопизму. С её точки зрения немецкое общество 1950-х, которое мы воспринимаем как «обычное» и «нормальное», с мамой-папой и тремя детьми, является для них «нетерпимым» и «постфашистским». Истинными ценностями немецкой Конституции эти дамы и господа официально признают лишь культурные установки так называемой сексуальной революции 1960-х. Эта навязанная сверху идея за последние десятилетия привела нашу страну к ультралиберальному государственному абсурду, где даже самоочевидные биологические реалии вроде наличия только двух полов рассматриваются как пережиток «репрессивного христианского прошлого», а тех, кто придерживается норм многодетной семьи, смешивают с грязью. По иронии истории, из этого, кстати, следует, что даже члены правящей либеральной партии ХДС до начала 2010-х тоже были «правыми экстремистами».

Не будет преувеличением сказать, что мы наблюдаем абсолютное безумие — продукт обанкротившегося, провально политического проекта, который поддерживает остатки жиз-

неспособности, лишь навязчиво апеллируя к результатам Второй мировой войны, ставшим источником их легитимизации. По стой поры очень многое в стране и в мире изменилось.

— Это, кстати, отражает рост популярности вашей партии и противодействие ей со стороны властей. С какими формами государственного давления сталкиваетесь АдГ?

— Да, что есть, то есть. На многих из нас левые радикалы набрасываются с кулаками прямо на улице. Наши партийные учреждения подвергаются вандализму. Некоторые члены нашей «диссидентской» партии сталкиваются с тем, что их с криками и оскорблениями выталкивают из кафе или из концертного зала. Но есть и то, что скрыто от глаз. Например, мы нередко испытываем финансовые трудности, отказ в банковском обслуживании, заморозку счетов. Немецкие спецслужбы опускаются и до того, чтобы клеветнически обвинять моих однопартийцев и других патриотически настроенных общественных деятелей в том, что они-де «враги Германии». Всё это создаёт колоссальные юридические проблемы для тех из нас, кто служит, например, в полиции или в муниципалитетах (как не вспомнить о схо-

жей судьбе немецких евреев, коммунистов и пацифистов при Гитлере? — Н.Д.). В целом можно говорить, что немецкие либеральные чиновники стремятся любой ценой уничтожить оппозицию. И не останавливаются ни перед чем!

— Правое крыло правящей партии ХДС на словах декларирует приверженность тем же христианско-консервативным ценностям, что и АдГ. Возможно ли ваше взаимодействие?

— Маловероятно, что некое настоящее христианско-консервативное крыло ХДС существует. Но даже если бы оно и было, попытка сформировать парламентский альянс с нашей партией привела бы к расколу ХДС, взорвав её изнутри. Такой шаг означал бы тектонический сдвиг в немецкой политике, положив конец десятилетиям лицемерной бюрократической диктатуры партии Меркель фон дер Ляйен и Мерца. На словах они всегда апеллировали к консервативным идеалам, а при этом в жизнь проводили исключительно леволиберальные меры. Позиции ХДС ещё сильны, но время неумолимо: наша партия растёт, а демографическая база ХДС — в основном состоятельные пенсионеры, живущие прошлым! — сокращается.

— В случае вашей победы на выборах готова ли будет правящая элита ФРГ передать власть мирно?

— АдГ легко набирает около 40% голосов в ряде регионов ФРГ и приближается к 35% по стране в целом. Традиционные либеральные партии вынуждены формировать нестабильные коалиции в бундестаге лишь для того, чтобы не допустить нас к власти. Можно предположить, что в какой-то момент они нанесут стране такой ущерб и настолько разочаруют избирателей, что мы сможем сформировать правительство сами, получив по итогам выборов более поло-

вины мандатов. Если честно, не берусь сказать, как правящая элита Германии отреагирует на это... Но мне известно, что либеральные министры в некоторых федеральных землях уже обсуждают, как будут «жесть бумаги» в случае нашей электротальной победы, особенно те документы, которые касаются их сговора со спецслужбами против АдГ (в начале мая 1945-го на всех этажах берлинской Рейхсканцелярии тоже, между прочим, судорожно жгли бумаги. — Н.Д.).

— Есть мнение, что политическая система ЕС сегодня — не либеральная демократия, а леволиберальный бюрократический авторитаризм. Согласны ли вы с такой характеристикой?

— Да, вполне корректное описание ЕС. Отсутствует в Брюсселе административной прозрачности и подлинной легитимности — не секрет ни для кого. Финансируемая Еврокомиссией система НКО нагло вмешивается во внутренние дела стран — членов ЕС, выявляя желание монополично контролировать общественное мнение и информационную повестку. Урсула фон дер Ляйен стремится не допустить, чтобы какое-либо государство внутри ЕС проводило суверенную внешнюю политику. Например, орбановскую Венгрию третировать, а то и жестоко наказывать за что? Да за то, что правительство Орбана стремится отстаивать интересы страны. Налицо явное превышение полномочий наднациональным бюрократическим органом, могущество которого, кстати, зиждется в том числе и на консенсусе нескольких элитарных партий либерального толка в бундестаге. Консенсус этот всё более хрупок, и тирания бюрократов медленно, но верно подходит к концу.

Беседу вёл

Никита Дмитриев,
Париж — Берлин

температуру в помещениях, экономия топлива, улучшение производительности оборудования. Инвестиции, где они оставались, пошли на теплоизоляцию и солнечные батареи.

Примечательно, что в мерах по самосохранению едва ли не главным препятствием стала госбюрократия. Не только в доступе к программам поддержки, но даже в использовании собственных средств нужно запрашивать инстанции, ждать их решения. Неудивительно, что настроение в Mittelstand мрачное. Отношение к политике новой правящей коалиции — одно из худших за всё время наблюдений Торгово-промышленной палаты ФРГ.

Удушение роста

Потери производственной базы и отток капитала запустили процесс деиндустриализации Германии. Машиностроительные заводы уровня Hightech перебрались в США, но при этом основная часть их персонала осталась в ФРГ, едва находя работу в сфере услуг. Голоса, которые шли к социал-демократам, перетекают к «Альтернативе для Германии».

Из-за неопределённости во внутренней политике в 2023-м было заморожено свыше 100 млрд евро капиталовложений. Эти деньги перетекали в банки других стран, где им тут же нашли применение. Конкуренты ФРГ получили двойное преимущество — развитие их производств при ослаблении немецких фирм. Следствие этой опасной обратной связи — удушение потенциала роста.

Цена выживания

Послевоенная экономика ФРГ была образцово рыночной и действовала в сверхблагоприятных условиях. Энергия и сырьё поступали по особо выгодным ценам, военные расходы не обременяли бюджет, рынок сбыта был весь мир. В XXI век Германия вошла как государство с высоким уровнем защиты населения.

Теперь мир видит, как меняется сам характер экономики ФРГ. Растущие масштабы господдержки означают рост влияния нерыночных механизмов. Возникла новая масса производителей, почти не зависящих от рынка, зато подчинённых госорганам. А те

сами подчинены политическим партиям. Так долговременные интересы бизнеса ФРГ погружаются в зависимость от сиюминутных решений правящей элиты. Экономика всё менее привязана к потребностям населения. И всё более подчинена целям политических процессов, управляемых не из Берлина, а из Брюсселя.

Возможен ли возврат к прежней модели?

Вряд ли, даже если бы вопрос решался простым возвратом к прежним ценам на энергию. Сомнительны сами способы возврата. «Зелёная» энергетика подтвердила свою договоризну и ненадёжность. Атомную энергетику политики разгромили до основания, а в сознании общества демонизировали так, что люди боятся её восстановления. Пропоставки трубопроводного газа из РФ можно забыть. Даже если ФРГ восстановит «Северные потоки», Газпром не захочет иметь дело с ненадёжным покупателем. Закупки СПГ в других странах возможны, но стабильными не будут.

В ФРГ есть запасы бурых углей, есть и газовые месторождения, доступ-

ные для добычи фрекинггом. Но оба ресурса встретят такое сопротивление «Зелёных», что включить их в восстановление экономики будет почти невозможно. Альтернатива — перенос производств в другие страны. Но этим деиндустриализация ФРГ лишь ускорится.

Главный вопрос

Пережить энергетический шторм немецкая индустрия сумела, но в исходное состояние не вернулась. Цена адаптации исчисляется не только миллиардами евро. Итогами стали изменения структуры экономики, всей логики её развития.

Германия пока остаётся локомотивом Европы. Однако держится на рельсах за счёт таких компромиссов между рынком и государством, между экономикой и политикой, какие всего пару лет назад казались невозможными.

Вопрос теперь не в том, когда экономика Германии вернётся в прежнее состояние, а как долго она сможет оставаться в нынешнем.

Владимир Соколов,
собкор «ЛГ», ФРГ